

В мае сорок пятого

Максим Гинден

Последние пули

Вообще-то каждая пуля на войне может оказаться для тебя последней. Даже первая. Но об этом стараешься не думать, на то и война. Здесь пули подстерегают повсюду. И не только в бою. Они могут настичь тебя и на марше, когда взводный для поднятия солдатского духа приказывает: «Споём, ребята!» И на привале, когда ты склоняешься над котелком каши. И в тихом лесочке, где тебя выследил вражеский снайпер. Привыкнуть к этому трудно. И все-таки очень скоро это становится обыденностью. И ты уже перестаешь кланяться повизгивающим над головой пулям, перестаешь тревожно провожать глазами пунктирные огоньки ночных трассирующих пуль. Слава богу, летят мимо, значит, не твои!

— Свою пулю, браток, не угадаешь, не поспеешь, — поучал меня как-то старый солдат Иван Худяков, когда я был еще новичком на войне. В роте этого человека именовали, вопреки уставу, не иначе как по имени-отчеству: Иван Порфирьевич — из уважения к его участию еще в первой мировой войне. И странное дело, то ли опыт бывалого солдата, то ли везение, но все вместе взятое делало Худякова неуязвимым. Далеко не молодой, уже под пятьдесят, рослый, но невероятно тощий, он одинажды и в штыковой атаке не оплошал, остался цел. Одним словом, хочешь не хочешь, а у войны свои законы, свои понятия. И недосуг тут думать об опасностях. Просто живешь тем, что жив, тем, что велит солдатский долг.

А вот каким выдался мой последний день на войне, это разговор особый. Уже который раз вспоминаю.

Последний день войны застал меня не в окопе, не в бою, а в уже занятом нашими войсками, почти мирном и тихом прусском городке Растенбурге. Там в одном из домов с островерхой готической крышей помещалась редакция нашей дивизионной газеты «На разгром врага». Из окон хорошо были видны другие такие же дома и широкая мощеная улица с изрядно разбитой брусчаткой. С утра по ней прошли куда-то наши танки, потом колонна грузовиков с брезентовым верхом, затем вереница бронетранспортеров. А в интервалах между ними — несколько маршевых рот, вездесущая матушка-пехота! Подтягивались, видимо, поближе к линии фронта, к Куршской косе.

В самом начале войны, когда немцы наступали на Москву, в Растенбурге находилась ставка Гитлера. Зато теперь этот небольшой, опрятный, почти не поврежденный боями город, укрывшийся по весне кронами зазеленевших деревьев, стал уже для Германии далеким тылом. Штабы фюрера давно переместились в берлинские бункеры, и исход войны решался уже там, в Берлине. Именно оттуда ждали мы заветного слова «победа».

И вот настал этот счастливый опьяняющий день, о котором так и хочется сказать известными словами поэта: «И в воздух чепчики бросали...». Только не было у нас тогда под руками чепчиков. В воздухе замелькали более весомые предметы: пилотки, фуражки, каски, планшеты, полевые сумки — в общем, всё, что только можно было на радостях подбросить к небу.

Но это, так сказать, общая картина. Что же касается конкретно нашей дивизионной многотиражки, то тут дело обстояло несколько иначе. В те дни в одной из редакционных комнат, расположенных под самой крышей, почти не умолкала полевая радиостанция. По ней через короткие промежутки времени передавались из Москвы информация ТАСС для фронтовых газет. И стало уже привычным для нас дежурить возле радики и принимать очередные сообщения. Диктор, подобно школьному учителю на уроке, читал их по складам, да потом еще и повторял по два-три раза. А мы вслед за ним записывали, тут же редактировали и относили готовые для набора тексты в типографию, которая помещалась в соседнем флигеле во дворе.

Так проходил день за днем. Но вот под вечер восьмого мая в начале очередного сеанса связи диктор предупредил, что передаст важное сообщение. И тотчас же, почти без паузы, начал читать. Как и всегда, он диктовал неторопливо, размеренно, ровным спокойным голосом. Но какие слова мы услышали! «Акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил...» Мог ли тут кто-нибудь остаться спокойным? Все, кто был в комнате, вскочили, схватили карандаши и бумагу, обступили динамик, ведь из него доносился голос самой победы. И тут же, чтобы ускорить дело, мы договорились, что каждый записывает одну лишь короткую фразу и — бегом в типографию! Вслед за ним другой, третий — в общем, конвейер.

И кто бы мог подумать, что уже через несколько минут наш тихий типографский дворик, весь день дремавший под неслышным морозящим весенним дождиком, станет вдруг для нас чем-то вроде огневого рубежа, как бы еще одним полем боя, и что такое внезапное испытание огнем выпадает на нашу долю уже после окончания войны, в первые часы мира.

Но случилось именно так. Ведь радио слушали всюду. И когда в нашей типографии были набраны только первые строчки для экстренного выпуска газеты, весь гарнизон уже знал о победе. Люди выбегали из домов с криками «Ура!», обнимались, целовались и конечно же салютовали. По всему Растенбургу загремела пальба. Стреляло все, что могло стрелять. Палили из пистолетов, автоматов, винтовок, из зенитных пулеметов, даже из пушек. И вот под этим шквальным огнем, под свист и жужжание рикошетиющих пуль наша небольшая фронтальная редакция (четыре офицера и трое солдат) выполняла свою последнюю боевую задачу. Бегом, пригибаясь, а то даже и на корточках, «гусиным шагом», доставляли мы наборщикам листочки с драгоценным текстом.

Этот стихийный салют продолжался, наверное, добрых полчаса. А потом, словно по команде, одновременно прекратились и пальба, и дождь. И загремели на улицах Растенбурга оркестры, начались хоры, пляски,

и отовсюду — из раскрытых окон домов, с площадей и скверов — понеслись песни. Сначала сбивчиво, как бы наступая одна на другую, а потом всё отчетливей и отчетливей. Откуда-то послышалась бравая «Катюша», откуда-то ностальгическая «Бьет в тесной пещуре огонь», а кто-то затынул под гармонию призывно «В лесу прифронтовом». Стало уже казаться, будто весь наш гарнизон превратился вдруг в единый сводный, но не очень стройный хор. И в песнях его причудливо переплеталось все, что накопилось за долгую войну в душах людей: и удаль воинская, и девичья грусть, и печаль наших матерей, и тоска солдата по родному дому. А вперемежку с этим пробивались откуда-то и солисты со своими особыми вокальными пристрастиями. Один из них неожиданно-негаданно появился у ворот нашего дворика и зычным басом напомнил, что есть на Волге утес. А в это же время на соседней улице, где располагалась рота морской пехоты, чей-то тенорок заголосил про шаланды, полные кефали. Только нам в нашей типографии было не до того. У нас были свои заботы: корректура, верстка, подгонка шрифтов. И со всем этим мы так торопились, что не успели даже переодеться после дождя и совсем позабыли о недавнем нелепом обстреле со стороны своих же.

...В тот же вечер я вернулся домой поздно, уже за полночь. И когда скинул наконец с плеч намокшую под дождем шинель, то увидел вдруг, что полы ее в двух

Вверху:
Кенигсберг,
май
1945 года.
Воины
3-го Бело-
русского
фронта
конвоируют
колонну
немецких
военно-
пленных

Внизу:
На улицах
города

местах прострелены. Еще одно пулевое отверстие оказалось на самой верхушке моей пилотки.

Но это что! Наш печатник Коля Обьедков, как выяснилось потом, вообще потерял свою пилотку во время перебежек.

— Черт-те куда ее снесло, как ветром сдуло! — оправдывался он под общий смех.

А на следующий день, едва рассвело, грузовичок дивизионной полевой почты повез в полки и батальоны кипы только что отпечатанных газет. Это был экстренный выпуск многотиражки «На разгром врага», посвященный долгожданной победе.

Звериная история

Да, именно так можно, пожалуй, сказать о судьбе единственного обитателя, уцелевшего к концу второй мировой войны в кенигсбергском тиргартене, то есть зоопарке. За несколько месяцев осады Кенигсберга нашими войсками этот именитый зоопарк, слывший одним из крупнейших в Европе, был полностью створен. Вся живность, пригодную в пищу, жители осажденного города съели, а всех хищников — тигров, волков, гиен — перестреляли, чтобы не достались русским. Уцелел как-то чудом лишь бегемот. Солдаты, занявшие с боем территорию тиргартена, увидели тучного коротконового зверя метавшимся и ревущим в захлапленном вольере возле бассейна, заполненного лишь наполовину мутной дождевой водой. Да и все вокруг являло собой картину опустошения — сломанные и раскрытые настежь клетки, загаженные вольеры с валяющимися повсюду ящиками от патронов и катушками телефонных проводов, груды консервных банок.

Вот в таком неприглядном виде досталась после боя территория тиргартена одному из наших полков. Что же касается бегемота, то он был откровенно недружелюбен к людям и самим своим видом отпугивал всех — грузный и неповоротливый, как перекормленная свинья, угрожающе ворчливый, с злыми слезящимися глазками на непомерно большой и тупой морде, да еще и со множеством глубоких ссадин и вмятин на толстой грязной шкуре. Попробуй подступишь к такому!

Всем было ясно, что столь диковинного зверя надо во что бы то ни стало сохранить. Но как? Чем кормить? В каких условиях содержать?

— У меня специалистов по бегемотам нет! — сетовал командир полка и досадливо разводил руками. — Не вызывать же их из Москвы.

Но неожиданно спаситель оказался поблизости. И сам предложил свои услуги.

— Дозвольте, товарищ полковник, заняться бегемотом, — бойко произнес молоденький солдатик Алексей Чепурной. — Мы с ним поладим.

— Из каких же ты африканских земель? — удивленно отозвался полковник и с любопытством поглядел на долговязого белокрысого солдата в вылинявшей гимнастерке с новенькой медалью «За отвагу» на груди.

— Не из Африки я, а с Кубани, — обиженным тоном ответил солдат.

— Где ж у вас там бегемоты водятся? — подзадорил солдата полковник.

— У нас в Краснодаре зверинец был. Там мамка моя уборщицей работала. А я прямо из школы к ней ходил и подсоблял. И бегемот у нас там был. Правда, не такой здоровый, как тут, поменьше. Мы с ним дружные были.

— Ну, коли так, — согласился полковник, — ступай к зверю на переговоры. Кроме моего разрешения, еще что-нибудь требуется?

— Так точно! — обрадовался солдат. — Ведро водки.

— Что-о? — оторопело переспросил полковник. — Водки?

— Да, водки, — подтвердил солдат. — Иначе как же к нему подойдешь? Поначалу усыпить надо!

Вот так и началась в полку операция по спасению бегемота. Сам я этого не видел, но, как рассказывали потом товарищи Чепурного, он нарубил несколько кочанов капусты и скормил бегемоту. А когда опьяневший зверь уснул, Алеша бесстрашно занялся своим необычным пациентом, внимательно осмотрел и стал врачевать, перво-наперво удалив кузнечными клещами из расслабленной пасти зверя гнилой зуб.

— Потому он и злой, — пояснил товарищам ново-явленный звериный лекарь.

Но это было только началом лечения. А затем понадобилась еще длительная операция по извлечению пуль, застрявших в непробиваемой шкуре бегемота. Их оказалось ни много ни мало шестнадцать штук.

Постепенно поведение бегемота стало меняться к лучшему. Исцеленный и обласканный, он заметно подобрел. Его отношения с новым другом стали не просто приятельскими, а, можно сказать, панибратскими. Поутру, едва солдат появлялся в вольере с ведерком корма, как бегемот сразу же торопливой трусцой бежал навстречу и разевал свою огромную пасть в знак готовности к завтраку. Да и вся трапеза проходила с видимым удовольствием для обоих.

Вскоре в гарнизоне стало известно, что тиргартен открыт для посещения, и туда зачастили солдатские экскурсии. Встречал посетителей сам Алеша Чепурной, присвоивший себе надлежащий титул. На его нарукавной повязке отчетливо, но не очень грамотно было написано: «Каминдант тиргартина». Немало ошибок было и в вывешенном у входа в вольер плакате под заголовком «Рациён бигимота». Но удивляли не столько эти ошибки, сколько сам рацион, состоявший из множества разных видов овощей, общим весом едва ли не в центнер. Интенданты жаловались, что столько овощей на день, тем более по весне, им никак не запастись и что этот чертов бегемот скоро объест всю роту. Нетрудно поэтому представить, с каким нетерпением дожидались они дня, когда бегемота отправят в Москву.

И такой день наконец пришел. К вольеру подогнали «студебеккер» с высокими утолщенными бортами и на всякий случай подъемный кран. Но кран так и не понадобился. Алеша, бормоча, как шаман, какие-то призывы и заклинания, самолично завел бегемота по специально устроенному наклонному помосту в кузов автомобиля и там, продолжая что-то нашептывать, обвязал своего увесистого питомца толстыми веревками и цепями. Вместе с бегемотом он отправился и на вокзал, чтобы пересадить зверя в вагон и проводить до Москвы. А когда он вернулся в полк, командир дивизии вручил ему перед общим строем орден Красной звезды. Формулировка была обычная: «За отличное выполнение боевых заданий командования», но все понимали, что это награда солдату за бесстрашие при спасении ценного, но опасного зверя. Сам же этот зверь, как мне рассказывали, после нескольких лет общения с московскими поклонниками гиппопотамов был возвращен на прежнее место своего обитания, в тот же самый вольер. Но уже не в Кенигсберге, а в Калининграде.

Максим Гинден (Макс Ефремович Гинденбург) отдал журналистике почти семьдесят лет. Прошел войну, был ранен, в послевоенные годы работал на радио в «Последних известиях» и на «Маяке».

Л. Петрушевская представила читателям его рассказы в «Семье и школе» (№ 7–8, 2003 год) и «Знамени» (№ 11, 2004 год).